

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026311-8

Трансформация портрета Обломова в двух редакциях романа И. А. Гончарова: о литературной полемике с “физиологиями” Ф. В. Булгарина

© 2023 г. И. А. Беляева

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
belyaeva-i@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается ситуация, связанная с изменениями в портрете Обломова в двух редакциях романа, 1859 и 1862 гг., признанных в настоящее время каноническими. Наряду с существующими объяснениями исчезновения из второй редакции портрета метафоры “вольной мысли”, которая связывается с устранением романтической стилистики или же с поспешностью работы писателя при подготовке издания 1862 г., в статье выдвигается другая версия трансформации текста. Она мотивируется литературной полемикой Гончарова с той линией “физиологического” направления в литературе середины XIX в., которая была представлена в очерках Ф.В. Булгарина. В статье показывается, что в обеих ранних редакциях романа, первоначальной и 1859 г., присутствуют метафоры “сонного ума” и “вольной мысли”, которые были представлены в одном из очерков, входивших в издание “Комары: Всякая всячина Фаддея Булгарина” (1842) под названием “Беглая мысль”. В ранней редакции портрета Обломова считывается ситуация, описанная в этой “физиологии”, когда проживающий в Петербурге “хозяин” “ума” и “мысли” лишь сосуществует со своим сонным умом, а мысль его и вовсе покидает и путешествует “вольной птицей” по другим домам Петербурга, наблюдая везде “мертвое царство”. В очерке предлагается натуралистический срез города. Интерес к Булгарину со стороны Гончарова расценивается автором статьи не как случайное явление, а связывается с полемикой двух линий “натурализма” в литературе 1840-х годов и с иронической тактикой гончаровского нарратива. Немалую роль играют также личные мотивы, негативное отношение Гончарова к личности Булгарина как писателя и критика. Гончаров и в других своих сочинениях и письмах 1830–1850-х годов нередко воспроизводит стилистику Булгарина, и всегда булгаринские подтексты работают у него на создание иронического модуса, а само повествование Гончарова выдержано в полемическом ключе. Эти примеры также систематизируются в статье. В целом, вектор полемики с Булгариным, по мнению автора статьи, должен быть распространен и на роман “Обломов”, работа над которым началась еще в 1840-е годы, в период коммерческого успеха физиологических предприятий Булгарина. Попытка Гончарова элиминировать булгаринские “следы” во второй редакции портрета Обломова, а затем возвращение к ним в более поздних изданиях романа рассматриваются в статье как своего рода “органическое противоречие” в поэтике и издательской тактике писателя, которые, вероятно, требуют еще научной рефлексии.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, “Обломов”, Ф.В. Булгарин, физиология, натуральная школа.

Для цитирования: Беляева И.А. Трансформация портрета Обломова в двух редакциях романа И.А. Гончарова: о литературной полемике с “физиологиями” Ф.В. Булгарина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 25–34. DOI: 10.31857/S160578800026311-8

Transformation of Oblomov's Portrait in Two Editions of I. A. Goncharov's Novel: About Literary Discussion with "Physiologies" of F. V. Bulgarin

© 2023 Irina A. Belyaeva

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
belyaeva-i@mail.ru

Abstract. The article discusses the situation associated with changes in the portrait of Oblomov in two canonical editions of the novel, 1859 and 1862. Along with the existing explanations for the disappearance of the "free thought" metaphor from the second edition of the portrait, which is associated with the elimination of romantic style or with the writer's haste in preparing the 1862 edition, the article puts forward another version of the transformation of the text. It is motivated by Goncharov's literary controversy with that line of the "physiological" direction in the literature of the middle of the 19th century, which was presented in the essays of F.V. Bulgarin. The article shows that in both early editions of the novel, the initial and 1859, there are metaphors of "sleepy mind" and "free thought", which were presented in one of the essays included in the publication "Mosquitoes, or All sorts of things by Thaddeus Bulgarin" under title "Running Thought". In the early version of Oblomov's portrait, the situation described in this "physiology" is read, when the "owner" of "mind" and "thought" living in St. Petersburg only coexists with his sleepy mind, and his thought completely leaves him and travels like a "free bird" to other houses of St. Petersburg, observing the "dead kingdom" everywhere. The essay offers a naturalistic section of the city. The interest in Bulgarin on the part of Goncharov is regarded by the author of the article not as an accidental phenomenon, but is associated with the controversy of two lines of "naturalism" in the literature of the 1840s and with the ironic tactics of Goncharov's narrative. A significant role is also played by personal motives, Goncharov's negative attitude towards Bulgarin's personality as a writer and critic. Goncharov in his other writings and letters of the 1830–1850s often reproduces the style of Bulgarin, and Bulgarin's subtexts always work for him to create an ironic mode, and Goncharov's narration itself is sustained in a polemical manner. These examples are also systematized in the article. And in general in the opinion of the author of the article, the vector of controversy with Bulgarin should also be extended to the novel "Oblomov", work on which began in early of 1840s, in the period of commercial success of Bulgarin's physiological enterprises. Goncharov's attempt to eliminate Bulgarin's "traces" in the second edition of Oblomov's portrait, and then return to them in later editions of the novel, is considered in the article as a kind of "organic contradiction" in the writer's poetics and publishing tactics, which probably require additional scholarly reflection.

Key words: I.A. Goncharov, "Oblomov", F.V. Bulgarin, physiology, natural school.

For citation: Belyaeva, I.A. *Transformatsiya portreta Oblomova v dvukh redaktsiyakh romana I.A. Goncharova: o literaturnoy polemike s "fziologiyami" F.V. Bulgarina* [Transformation of Oblomov's Portrait in Two Editions of I.A. Goncharov's Novel: About Literary Discussion with "Physiologies" of F.V. Bulgarin]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 25–34. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026311-8

История текста романа "Обломов", особенно на фоне "Обыкновенной истории", автограф и черновые материалы которой неизвестны, выглядит благополучно. В первом научном издании романа, увидевшем свет в 1987 г. [1], и в соответствующих томах нового академического собрания сочинений и писем Гончарова, которые были подготовлены коллективом авторитетных текстологов ИРЛИ РАН ([2]; [3]; [4]), генезис текста прослежен скрупулезно, с учетом разных редакций, черново-го автографа и иных публикаций.

В ряду существенных трансформаций текста романа особую роль играют две редакции — 1859 и 1862 годов.

Как отмечается в издании "Обломова" в серии "Литературные памятники", текст романа, неоднократно переиздававшийся при жизни Гончарова, существует фактически в двух редакциях. Одна из них зафиксирована в первой журнальной публикации и в отдельном издании 1859 г., а затем воспроизведена в двух полных собраниях сочинений 1880-х годов, вторая "представлена

только в отдельном издании 1862 года” [1, с. 6]. Именно эта редакция и была выбрана в качестве канонического текста в научном издании романа “Обломов” в 1987 г. При этом подчеркивалось, что Гончаров к 1862 г. “не только проделал большую творческую работу по усовершенствованию текста романа, но и освободил его от значительного количества смысловых опечаток”, не учтенных в более поздних изданиях 1880-х годов [1, с. 6]. Однако в новом академическом издании было решено вернуться к тексту “Обломова” в публикации 1887 г., во многом, хотя и далеко не во всем, повторявшему редакцию 1859 г. Тем самым вопрос о каноническом тексте романа разрешился уже в пользу первой редакции. Но существование двух разных редакций — 1859 и 1862 годов, по-своему канонических, — остается фактом непреложным. А если это так, то остаются и вопросы о значительных разночтениях в этих двух редакциях, которые большей частью, конечно, уже становились предметом изучения. Многие уже объяснено, но, как нам представляется, далеко не все.

Самые серьезные изменения в редакции 1862 г. претерпела первая часть. Эти изменения, с учетом в том числе черновой редакции, детально описаны и проанализированы Б.В. Томашевским, Л.С. Гейро, другими гончароведами, а также составителями примечаний к академическому изданию сочинений писателя. В целом они объясняются трансформацией замысла романа и прежде всего изменениями в подаче главного героя. «В лице первоначального Обломова, — пишет В.А. Недзвецкий, — представал характер не столько самобытный и неповторимый, сколько усредненный и стереотипный, масштаба не бытийного и универсального, а, по классификации Гончарова, “местного” и “частного»» [5, с. 11]. “Частность” Обломова, представленного в рукописной редакции, была уже в основном преодолена в окончательном тексте романа, который сформировался к 1859 г. В редакции же 1862 г. были предприняты в этом направлении, как полагает ряд исследователей, дополнительные шаги.

Так, по мысли Б.В. Томашевского, сопоставившего портрет Обломова в черновой рукописи и двух печатных редакциях, в первом случае читатель имеет дело с “полным подчеркнuto физиологических подробностей описанием” героя, в издании 1859 г. наблюдается также романтическая вычурность, даже гротескность, “характерная для натуралистической школы 1830-х годов”, которая в издании 1862 г. сменяется установкой “на реалистический характер изложения” [6, с. 116, 117]. Эта точка зрения, в целом

поддержанная авторитетным текстологом и гончароведом Л.С. Гейро в издании 1987 г., в не разделяется редакторами новейшего академического издания. Портрет героя “Обломова” в издании 1862 г., полагают они, стал “вдвое короче”, оказавшись тем самым менее “живописным” и “художественным” [4, с. 105]. К тому же в этом новом варианте были замечены некоторые семантические “нестыковки”, в том числе связанные со словом “беспечно”, и можно говорить о разрушении ряда “сцеплений” с портретами других персонажей [4, с. 105, 106].

В любом случае, какую редакцию ни считать канонической — здесь главное слово за текстологами, — вопрос об изменениях портрета Обломова в двух вышеназванных редакциях далеко не закрыт. Мы позволим себе представить еще одну возможную причину его трансформации. На наш взгляд, тут дело не только в стилистической правке Гончарова, желавшего в портрете Обломова приглушить неистовый романтизм “натуральной школы”, но и в литературной позиции писателя, обусловленной полемикой с писателями-физиологами 1840-х годов, не относящимися к так называемой школе В.Г. Белинского.

Важно принять в расчет тот факт, что работа над романом “Обломов” продолжалась как минимум с 1846 по 1857 г. Это зафиксировано в черновом автографе, или, как его называл сам Гончаров, в “собственноручной полной первоначальной черновой рукописи” [3, с. 443], представленной им в 1888 г. в Публичную библиотеку¹. То есть роман корнями уходит в 1840-е годы, поэтому едва ли литературная ситуация этого десятилетия, одного из самых сложных и одновременно продуктивных периодов для русской литературы, не сказалась в романе. Тогда, в эпоху поиска нового художественного языка, способного решать в литературе антропологические и социологические задачи, литературный круг Белинского, к которому до некоторой степени был близок и Гончаров, был далеко не единственным,

¹ «Начата в конце сороковых годов — окончена в 1857 году и напечатана в “Отечественных записках” 1859 года»; «первая часть написана была в 1846 году, после того как я сдал в редакцию “Современника” первый свой роман (“Обыкновенную историю”). После с лишком 10-летнего перерыва я в 1857 году дописал уже обдуманый и выношенный в голове роман “Обломов”» [3, с. 443]. Черновой автограф определяется, согласно его содержанию и сортам бумаги, относящейся к 1848–1849, 1852 и 1857–1858 гг. [4, с. 5], соответствующей хронологией. Автограф начала “Сна Обломова”, изданного в “Литературном сборнике” (1849), “без заглавия”, с подписью автора и «пометой в конце текста: “Из неизданного романа. Октябрь, 1848 г.”» [4, с. 5], также актуализирует 1848 год.

предлагающим новое слово. Более успешным, по крайней мере если говорить о коммерческой составляющей задачи масштабного изучения социума, общей для многих писателей, выглядел, например, Ф.В. Булгарин, отсылки к стилистике которого слышны в портрете гончаровского героя.

Основные “булгаринские” наслоения в портрете Обломова представлены в редакции 1859 г., когда, казалось бы, влияние Булгарина на широкий круг читателей постепенно утрачивалось. Однако, по мнению А.И. Рейтблата, “даже в середине 1850-х гг., когда в столицах литературная репутация Булгарина была уже невысока, в провинции он продолжал пользоваться доверием” [7, с. 119]. В любом случае, для Гончарова и в середине 1850-х годов имя это было актуально, хоть и в прямо противоположном, или в негативном, смысле, о чем речь пойдет ниже. К тому же “булгаринский подтекст” в “Обломове” может быть объяснен личными причинами.

Сначала напомним, как выглядел портрет героя в “Отечественных записках” 1859 года:

В Гороховой улице, в одном из больших домов, на родонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. **Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности.** С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока [8, с. 1 (выделено нами. — И.Б.)].

Здесь хочется обратить внимание на “мысль”, гуляющую “вольной птицей по лицу” героя, которая в первоначальной редакции первой части отсутствовала, а вместо нее почти ту же функцию как бы случайной гостьи выполнял “ум”. Описание Обломова в первоначальной редакции, где герой, по словам В.А. Недзвецкого, представлял “усредненным” и “стереотипным”, звучало, как уже отмечалось, более натуралистично, даже можно сказать физиологично:

В Гороховой улице, в одном из больших домов, на родонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати пяти от роду, полный, гораздо полнее, нежели обыкновенно бывают люди в эти лета. Независимо от этой благоприобретенной полноты, кажется, и сама природа не позаботилась создать его постройнее. Голова у него была довольно большая, [туловище] плеча широкие, грудь крепкая и высокая: глядя на такое могучее туловище, непременно ожидаешь, что оно поставлено на соответствующий ему солидный пьедестал, — ничего не бывало. <...> [Туловище] Подставкой служили две

коротенькие, слабые, как будто измятые чем-то ноги. Цвет лица у Ильи Ильича [не имел никаких ярких оттенков] ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а так себе, безразличный. Взгляд беспечный, рассеянно переходивший от одного предмета к другому, иногда усталый, больше апатический. Волосы уж редели на маковке. Можно было предвидеть, что этот человек обрзгнет и опустится совсем, но теперь его от этого пока спасали еще лета. Впрочем, <...> оклад [лица] и черты лица у него были довольно приятные, мягкие. **Нельзя сказать, чтоб на этом лице не сквозило ума, только ум, по-видимому, не был постоянным и самовластным хозяином физиономии Обломова: он, как церемонный гость, приходил, кажется, посидеть у него в глазах, в улыбке, чтобы озарить на время покойные черты лица, [почти не сообщая им игры и движения], а потом вдруг, при появлении первой тучки, выбежавшей на лицо от внутреннего волнения, тихонько пропадал, точно так же, как пропадает и гость, пользуясь приходом другого. Ум не отстаивал своей позиции и не боролся с беспокойными пришельцами, он бежал. И тогда лицо Обломова волновалось то нерешительностию, то тревогой и испугом, смотря по тому, какое чувство наполняло его душу. Ум появлялся опять не прежде, как когда налетевший ураган исчезал с лица сам собою. Но и волнения, так же как ум, ненадолго напечатлевались на лице Ильи Ильича: оно тотчас принимало свой обычный характер беззаботности, покоя, по временам счастливого, а чаще равнодушного, похожего на усыпление** [3, с. 5–7 (выделено нами. — И.Б.)].

В этом описании героя слово “ум” представляет своего рода опорную точку и уподобляется “церемонному гостю”, тем самым оказываясь как бы не очень нужным хозяину. Конечно, здесь вспоминается парадигма “ума” и “сердца”, которая, по верной мысли А.М. Буланова, представляла оппозицию рационального и эмоционального [9]. Однако, возможно, что у “ума” и “мысли” (не сердца!) как его разновидности из двух ранних редакций романа есть и иные координаты. Мы предложили бы увидеть в них отсылки к актуальной для 1840-х годов “физиологии”, опубликованной Булгариным под названием “Беглая мысль” в книге “Комары: Всякая всячина” (1842). Нельзя забывать, что в 1840-е годы Булгарин был успешным автором в этом новом для русской литературы жанре, прежде всего коммерчески успешным — неслучайно его “Картинки русских нравов”, одной линейки с “Комарами”, выходили сериями, равняясь на французские образцы, и неплохо раскупались. Но не только это было важно. Булгарин в немалой степени представлял собой оппозицию, или альтернативу, тому направлению “натуральной школы”, которое нам сейчас представляется магистральным², тогда как для среднего и одновременно широкого круга чи-

² О Булгарине как авторе “физиологий” и проблеме его включенности в общее направление литературы 1840-х годов, именуемое “натуральной школой”, см.: [10].

тателей 1840-х годов, а в провинции, вероятно, и позже, он значил очень много — как журналист и как романист в первую очередь, но и как “физиолог”, или последователь новых, пришедших из Франции литературных веяний.

Итак, “Беглая мысль” была опубликована Булгариным в “Комарах”. Стоит напомнить, что это было за издание.

“Комары” представляли собой красиво изданную книгу, изящно оформленную комариными силуэтами. Предполагалось, как и в случае с “Картинками”, несколько выпусков, или комариных “роев”, но ограничилось всего одним. Читателю предлагалась книга — для отдыха, “без притязания на премудрость, на философию, на славу”, но с долей критики, “ведь и КОМАРЫ... кусаются”, а “правильнее: щиплют, как каждая правда” [11, с. 18, 19].

“Комары” состояли из четырех “физиологий” (“Нищий, или история богатства”, “Метемпсихоза, или душепревращение”, “Беглая мысль” и “Путешествие к антиподам на целебный остров”), большого корпуса Всякой всячины, или сатирических физиологических миниатюр под названиями “Комарики” и “Комариные вести из разных стран мира”. Все это венчалось “Золотым правилом”, которое гласило: “Чем познается умный человек? Он понимает шутку, и не гневается за нее” [11, с. 259]. Читатель, видимо, должен был в себе узнать такого человека, и едва ли ему это было неприятно.

Центральной, с точки зрения композиции, в книге оказалась история про “беглую мысль”, которая была дочкой впавшего в спячку “ума” и убежала от своего хозяина, тогда как “ум” остался. Но он добровольно ушел в тень, потому что “любил своего хозяина” и не хотел для него лишних проблем (в очерке лейтмотивом проходит мысль о том, что человеку “горе от ума”). “Говорят, — замечает ум, — что я вижу далеко и насквозь — ну что за беда, да ведь язык-то не в моей власти, а во власти моего хозяина” [11, с. 100].

Действие “физиологии” разворачивается в “театре”, который представляет собой “внутренность благоустроенной головы”, обитающей в одном из петербургских домов. То есть перед читателями возникал своего рода вариант “петербургского” сюжета, который при желании можно было воспроизвести (отчасти эту ситуацию мы и наблюдаем у Гончарова), подобно “петербургскому” же сюжету о найме квартиры. Далее у Булгарина история развивается следующим образом: мысль “влетает в голову”, изрядно попутешествовав

по свету. Не найдя в целом свете себе места, она возвращается и, “не замечая ума <т.е. своего отца. — И.Б.>, садится”. В свою очередь, “ум встает с места, подкрадывается к мысли и хватает ее за крылья” [11, с. 101 (курсив наш. — И.Б.)]. Тут вспоминается “вольная птица” в портрете Обломова из редакции 1859 г.

Собственно, болгаринская “физиология” представляет собой беседу повидавшей многое мысли-беглянки (она же дочь ума) и оседлого сонного ума, который “лежит в углу” головы своего хозяина и сетует на то, что не может ему пригодиться и вынужден “лежать и спать без просыпа, как хореk” [11, с. 100].

Если допустить, что сама ситуация в болгаринском тексте и в романе Гончарова актуализирует проблему “человек и метаморфозы с ним в Петербурге”, то элементы ее описания недвусмысленно совпадают у обоих в детализации поведения “ума” и “мысли” как “беглых”, покидающих своего хозяина, или как “непрощенных гостей”. А если еще и вспомнить, что “беглая мысль” у Булгарина рассказывает своему “папеньке-уму”, что она пыталась осесть в голове у одного “великого мужа”, или “энциклопедиста”, у вельможи и светского человека, у поэта и даже у группы “писак”, в которых угадывается указание на представителей нового направления в литературе, интересующихся описанием так называемых важных предметов, таких как “стакан, бутылка, самовар, тележка, галоши, перчатки, собачонка” [11, с. 113], то аналогия с визитерами Обломова как представителями разных сфер жизни Петербурга (и с его размышлениями о них) тоже напрашивается сама собой.

Те потенциальные человеческие особи, в которых хотела поселиться убежавшая в очерке Булгарина мысль, оказывались на самом деле “трупами” с “мертвыми мыслями” [11, с. 107]. В целом, мир Петербурга предстает у Булгарина царством мертвых людей, и живой беглянке-мысли там нет места. У Гончарова также звучит мотив мертвого города, а Обломов, один из всех имеющий живую душу, недоволен тем, что люди в Петербурге похожи на мертвецов.

Ты, верно, нарочно, Андрей, — говорит уже во второй части романа Обломов, — посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается всё это: нет его, нет ничего глубокого, задающего за живое. Всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и

не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смиренно и глубокомысленно сидят — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвецы? [2, с. 173].

Важно, что в обеих ранних редакциях романа, первоначальной и 1859 года, “ум” и “мысль” покидают Обломова. “Он бежал”, — сказано будет о “церемонном госте”, или уме, оставившем своего хозяина в первоначальной редакции. У Булгарина, конечно, немного не так — у него “ум” спал, но фактически он и не принимал участия в жизни хозяина, а значит метафорически — удалился. “Мысль” же в редакции 1859 г. — “совсем пропадала” и только оставляла после себя “свет беспечности”. Это даже получается ближе к булгаринскому варианту.

В любом случае, с высокой степенью вероятности мы можем предположить, что Гончаров отсылал читателя к известному претексту, должно быть, не совсем еще забытому читателем и в середине 1850-х годов, хотя в это время былая слава Булгарина уже была не та. Гончаров играет узнаваемыми формулами “из Булгарина”, представляющими собой совсем иную линию физиологического нарратива, нежели ту, которой придерживались сторонники “школы” Белинского. И хотя к самому критику и его идеям Гончаров относился во многом спокойно, но в начале своей литературной деятельности, т.е. в 1840-е годы, он искренне разделял неприятие булгаринской манеры, иронически дистанцируясь от нее. Почему подобный полемический дискурс сохраняется у Гончарова и в 1850-е годы, однозначно ответить сложно. Здесь можно допустить, что инерция противостояния двух стилистик в физиологической технике актуализировалась для Гончарова в том числе и по личным причинам, или же булгаринский подтекст выступал у него как инструмент иронии, в том числе самоиронии. Можно также добавить, что в 1850-е годы он нередко вспоминает Булгарина в своих сочинениях.

Булгарин очевидно не был литературным образцом для Гончарова, скорее — антипримером. К тому же его обидно задел неблагоприятный отзыв “Северной пчелы” об “Обыкновенной истории”. В фельетоне “Журнальная всякая всячина” Булгарин писал о Гончарове как о явно переоцененном писателе: “Теперь ударили в барабан о третьем гении, Господине Гончарове, напечатавшем в *Современнике* повесть *Обыкновенная история*. В муравейнике больше крика об этой повести, чем было крика в Европе при появлении первой поэмы Байрона и первого романа

Вальтер Скотта” [12, с. 322]. О том, что Гончаров не то чтобы не забыл обиды, а испытывал по отношению к Булгарину неприятие, свидетельствует его письмо к супругу сестры М.М. Кирмалову от 17 декабря 1849 г., в котором он комментировал уже присланные родственнику пластические карикатуры на современных писателей — в том числе он отправил в Симбирск свою собственную статуэтку и статуэтку Булгарина (они и сейчас хранятся в доме-музее Гончарова в Ульяновске). Высказывание Гончарова в адрес очевидно уважаемого М.М. Кирмаловым Булгарина довольно резкое:

Булгарина вышла тоже другая статуэтка: старая свинья разворчалась на свое безобразие, как будто художник виноват — и начала блевать на него хулу из своего подлого болота — “Северной пчелы”, что-де и все труды художника никуда не годятся, да и дорого-то он продает и т.п. Художник переделал его, и он тотчас же начал толковать, что и художник очень хороший, и статуэтки продаются как нельзя дешево. Фу-ты, мерзавец какой! А ты его в поэты произвел! Эх, махнул! Булгарин поэт! Сказал бы ты это здесь хоть на улице, то-то бы хохоту было. Новая статуэтка его похожа только на человека и довольно благовидна, оттого на Булгарина и не похожа. Прежняя, которая у тебя, как карикатура (ведь это все карикатуры), выражает его как нельзя более. Булгарин имеет редкое свойство походить наружно и на человека, и вместе на свинью. Художник схватил это как нельзя лучше — и, кроме свиньи и человека, изобразил и Булгарина [13, с. 87].

Несмотря на очевидное неприятие Гончаровым Булгарина как человека и как писателя, сочинения последнего регулярно составляли полемический контекст его сочинений. Ранняя проза Гончарова, как отмечают комментаторы академического издания, отличалась подобной полемичностью, она была “не менее цитатна, чем гончаровские романы”, причем “цитатный ряд” составляли “не только неизменные для Гончарова литературные авторитеты” [14, с. 622], но и те писатели, которые эстетически были ему не близки, в том числе Булгарин, а также А.А. Орлов, О.И. Сенковский и др. Так, в “Счастливой ошибке” (1839) есть отсылка к “сочинениям Фиглярина”, которые героиня, как замечает повествователь, “никогда не читала: Боже ее сохрани!” [14, с. 83], а в “Лихой болести” (1838) Гончаров иронически воссоздал саму стилистику Булгарина. Описание харчевни³ из этой повести

³ Комментаторами в академическом издании Гончарова не отрицается гипотеза об отсылке описания харчевни в “Лихой болести” к очерку Булгарина “Русская ресторация” [14, с. 644], который, однако, вероятнее всего, датируется 1842 годом, т.е. написан уже после гончаровской повести: «Очерки русских нравов», где опубликована “Русская ресторация”, прошли цензуру 22 декабря 1842 года; можно

дополняется упоминанием имен “двух плодovitых писателей, одного московского, а другого санкт-петербургского, О-ва и Б-на <имеются в виду Орлов и Булгарин. — И.Б.>, обладающих всеми нужными сведениями по этому предмету”, которые “давно готовят большое сочинение” на эту тему [14, с. 61].

И позже, в 1850-е годы, когда слава Булгарина несколько поуменилась — хотя, повторимся, в провинции он еще чрезвычайно популярен, — подобная тактика полемического плана по отношению к нему у Гончарова сохраняется, а может быть, даже и усиливается. Он не забывает Булгарина и использует его сочинения в качестве иронического претекста во «Фрегате “Паллада”», например, при описании Лондона, как полагают комментаторы академического тома. Гончаров воспроизводит булгаринскую стереотипную манеру описания Англии и англичан из его очерка “Лев и шакал”, входившего в книгу “Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого” (1843). Эта книга, конечно же, примыкала к “Комарам” и “Картинкам”. Там были представлены разные социальные и национальные зарисовки, или срезы. Об англичанах говорилось следующее:

Наслаждением англичанин называет только то, что сильно потрясает душу и волнует кровь: адские драмы Шекспира, звериную травлю, кулачный бой, бешеные конские скачки, охоту на медведей, бурю и странствования между дикими народами, в горах и пустынях. Англичанин не любит тонких душистых вин и нежных французских соусов и предпочитает им ром, спиртной портвейн, херес, мадеру и полусырое мясо. Превратив всю Англию в красивый сад, англичанин пренебрегает природой и живет летом в городе, а зимою и осенью в деревне. Только одни англичане могли дать нравственное значение слову *excentric*, потому что только Англия могла произвести людей, которых мы называем *эксцентрическими*, т.е. образцовыми чудаками... [17, с. 88].

Гончаров же спрессовывает булгаринское описание, тем самым ставя под сомнение справедливость содержащихся в нем характеристик. «Ведь

предположить, что “Русская ресторация” была написана за несколько дней до этого, во всяком случае после постановки “Женитьбы” (9 декабря) и, вероятно, после рецензии на нее Зотова (16 декабря)» [15, с. 302]. Однако, по утверждению К. Кумпан, в “Русскую ресторацию”, особенно в части описания трактирной обстановки, вошли фрагменты более раннего очерка Булгарина “Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на Петербургском тракте, или Картинная галерея нравственных портретов”, который был опубликован сначала в “Северной пчеле” за 1831 год [16], а затем в Сочинениях Булгарина (СПб., 1836. Ч. 2) (см.: [7, с. 534]). Вот этот текст вполне мог быть знаком автору “Лихой болести”, написанной в 1838 году.

это выйдет вот что, — читаем у Гончарова своего рода реплику в адрес Булгарина, — “Англия страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырым мясом, запивая его спиртом; говорят гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полям и лесам, а летом собираются в кучу; они угрюмы, молчаливы, мало общительны. По воскресеньям ничего не делают, не говорят, не смеются, важничают, по утрам сидят в храмах, а вечером по своим углам, одиноко, и напиваются порознь; в будни собираются, говорят длинные речи и напиваются сообща» [18, с. 61].

К началу 1850-х годов относится и один из самых любопытных стилистических экспериментов Гончарова, который может быть прочитан в русле иронической стратегии писателя, где также фигурирует Булгарин. Так, в письме к Е.П. и Н.Ап. Майковым от 20 ноября (2 декабря) 1852 г. из Портсмута Гончаров комментирует свою, как он называет, “тираду о дружбе” как “просто пародию на Карамзина и Булгарина”⁴ [13, с. 113].

⁴ “Дружба, как бы сильна ни была, не могла бы удержать меня, да *истинная, чистая дружба* никого не удержит и не должна удерживать от путешествий. Влюбленным только позволительно рваться и плакать, потому что там кровь и нервы <...>. Дружба же чувство покойное: оно вьет гнездо не в нервах, не в крови, а в голове, в сознании и, царствуя там, оттуда уже разливает приятное успокоительное чувство на организм. Вы можете страстно влюбиться в мерзавца, а я в мерзавку, мучиться, страдать этим, а все-таки любить; но вы отнимете непременно дружбу у человека, как скоро он окажется негодеем, и не будете даже жалеть. — Дружбу называют обыкновенно чувством бескорыстным, но настоящее понятие о дружбе до того затерялось в людском обществе, что это сделалось общим местом, пошлой фразой, и в самом-то деле бескорыстную чистую дружбу еще реже можно встретить, нежели бескорыстную, или истинную что ли, любовь, в которой одна сторона всегда живет на счет другой. Так и в дружбе у нас постоянно ведут какой-то арифметический расчет, вроде памятной или приходно-расходной книжки, и своим заслугам, и заслугам друга, справляются беспрестанно с кодексом дружбы <...>. Остается только положить жалованье — и затем прибить вывеску: здесь нанимаются друзья. Напротив, про неиспытанного друга часто говорят — этот только приходит есть да пить, а чуть что, так и того... и даже ведь не знаешь его, каков он на деле. Им нужны дела в дружбе — и они между тем называют дружбу бескорыстной, — что это? проклятие и дружба, такое же непонимание и непризнание прав и обязанностей ее, как и в любви? Нет, я только хочу сказать, что, по-моему, истинная, бескорыстная и испытанная дружба та, когда порядочные люди, не одолжив друг друга ни разу, разве как-нибудь ненарочно, и не ожидая ничего один от другого, живут целые годы, хоть полстолетия вместе, не неся тягости уз, которые несет одолженный перед одолжившим, и наслаждаясь дружбою, как прекрасным небом, чудесным климатом без всякой за это кому-нибудь платы. <...> Отправляясь с этой уверенностью и надеждой воротиться, мог ли я плакать, жалеть о чем-нибудь? Тем более не мог, что, уезжая от друзей, я вместе с тем покидал и кучу надоевших до крайности

Здесь интересно не столько объединение двух несопоставимых для Гончарова писательских имен, сколько сам факт присутствия в поле зрения литератора и путешественника стилистической модели Булгарина.

Поэтому в сущности нет ничего удивительного, что болгаринская стилистика могла интересовать Гончарова и во время работы над “Обломовым” уже во второй половине 1850-х годов, возможно, что по инерции прошлого. Отсюда в скором времени возникает желание переделать портрет героя, чтобы, возможно, эту инерцию преодолеть. Причем не только с целью сделать его “более реалистичным” и отказаться от романтической вычурности, сколько ввиду неактуальности самой полемики или стилевой игры. К тому же Булгарина не станет как раз в сентябре 1859 г., уже после публикации журнального варианта романа. Так был ли смысл “сражаться с покойником” на литературном поле для Гончарова и дальше? Видимо, нет. И в редакции 1862 г. в портрете Обломова все уже принципиально изменится: не будет ни сонного ума, ни мысли, “гуляющей вольной птицей по лицу”. Вместо последней “гулять беспечно по стенам” будут глаза, что и вправду менее метафорично. В редакции романа 1862 г. читаем:

Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, гулявшими беспечно по стенам, по потолку, с тою неопределенною задумчивостью, которая показывает, что его ничто не занимает, ничто не тревожит. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока [1, с. 7].

Трудно сказать, выиграл ли портрет Обломова и роман в целом от подобного сокращения. Комментаторы нового академического издания полагают, что скорее утратил, поскольку портрет, по их мнению, переделывался “в очевидной спешке” и писатель даже “не заметил”, что «слово “беспечно” относится к глазам, а не к лицу, как в прежнем тексте, а «за новым текстом следовали “старые” слова: “С лица беспечность переходила...”» [4, с. 105]. Поэтому в дальнейшем, как

занятий и лиц, и наскучившие одни и те же стены, и ехал в новые, чудесные, фантастические миры, в существование которых и теперь еще плохо верю <...>. — Так, пожалуйста, не жалейте обо мне и запретите жалеть Языкову, которого самого и семью отчасти сливаю в уме (видите, в уме, ведь не ошибся, не сказал: в сердце) с Вашей, хотя знаю, что он любит меня не так, как Вы, а иначе, и любит потому, что не может почти никого не любить, стало быть, по слабости характера; он даже изменит мне по-женски, посадит кого-нибудь другого на мое место. Но это ничего: я только приеду и опять найду тотчас свое место и в сердце у них, и за круглым столом” [13, с. 111–113].

следует из комментариев, Гончаров в изданиях романа, вышедших при его жизни, восстановил первоначальный вариант портрета Обломова. Но отметим, что было это уже в 1880-е годы, когда болгаринские контексты в принципе едва ли кому были интересны (и маловероятно, что считывались).

Остается вопрос со “сцеплением” портрета героя из первой части романа с портретом Агафьи Матвеевны Пшеницыной [4, с. 106], когда она потеряла Обломова, которое усматривают комментаторы в академическом издании. Там тоже о мысли сказано, что она “садится невидимо на ее лицо”, а глаза, напротив, теряют былую “беспечность”⁵. В свете болгаринских контекстов, конечно, это “сцепление” выглядит двусмысленным и отчасти излишне комичным, поскольку подобный эффект тут едва ли нужен. Возможно, что автором и предполагалось некоторое “снижение” героини через ассоциации с “Беглой мыслью” Булгарина. Все-таки именно Агафья Матвеевна стала фактически невольной убийцей Обломова (неслучайно она видится герою зловещей красавицей Милитрисой Кирбитьевной, которая, как известно, в повести о Бове Королевиче посылает своего мужа на верную гибель и думает отравить сына). Очевидно, что образ Пшеницыной должен трактоваться в двойной перспективе, с учетом как положительных, так и отрицательных коннотаций (см.: [19]). Хотела она того или нет, но Пшеницына дело смерти довела до конца, запоев и закармливая своими “наркотическими” дарами уже “распавшегося с миром навсегда” Обломова [2, с. 470, 482]. Но возможно, что болгаринский сюжет о беглой мысли (гуляющей по лицам петербуржцев) здесь и не имелся в виду. Однако любой читатель, сколь-либо знакомый с “Комарами” Булгарина, не может не провести такой параллели.

Таким образом, загадка портрета Обломова и исчезнувшей по какой-то причине “вольной мысли” с лица героя, а потом вернувшейся обратно, остается. И тем притягательней, беспокойней

⁵ После потери Обломова Пшеницына меняется: она “...не по-прежнему смотрит вокруг беспечно перебегающими с предмета на предмет глазами, а с сосредоточенным выражением, с затаившимся внутренним смыслом в глазах. Мысль эта села невидимо на ее лицо, кажется, в то мгновение, когда она сознательно и долго глядявалась в мертвое лицо своего мужа, и с тех пор не покидала ее. Она двигалась по дому, делала руками всё, что было нужно, но мысль ее не участвовала тут. Над трупом мужа, с потерей его, она, кажется, вдруг уразумела свою жизнь и задумалась над ее значением, и эта задумчивость легла навсегда тенью на ее лицо” [2, с. 488].

и неочевидней оказывается сам текст романа, про который нам иногда кажется, что мы уже знаем все.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гончаров И.А. Обломов: Роман в четырех частях / Изд. подгот. Л.С. Гейро. Л.: Наука, 1987. 694 с. (Лит. памятники).
2. Гончаров И.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях. СПб.: Наука, 1998. 493 с.
3. Гончаров И.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 5: Обломов: Роман в четырех частях. Рукописные редакции / Текст подгот. Т.И. Орнатская; Ред. тома В.А. Туниманов (гл. ред.). СПб.: Наука, 2003. 610 с.
4. Гончаров И.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 6: Обломов: Роман в четырех частях. Примечания / Ред. тома Т.А. Лапицкая, В.А. Туниманов (гл. ред.); Сост. примеч.: А.Г. Гродецкая, С.Н. Гуськов, Н.В. Калинина, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, А.В. Романова, В.А. Туниманов. СПб.: Наука, 2004. 616 с.
5. Недзвецкий В.А. Роман И.А. Гончарова "Обломов": Путеводитель по тексту. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 224 с.
6. Юров Б. <Томашевский Б.В.> Как работал Гончаров // Литературная учеба. 1931. № 9. С. 108–119.
7. Рейтблат А.И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: НЛО, 2016. 632 с.
8. Гончаров И.А. Обломов // Отечественные записки. 1859. № 1. С. 1–142.
9. Буланов А.М. "Ум" и "сердце" в русской классике: Соотношение рационального и эмоционального в творчестве И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. 157 с.
10. Степанова А.С. Физиологические очерки Ф.В. Булгарина и натуральная школа // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 1(5). С. 2–11.
11. Булгарин Ф.В. Комары: Всякая всячина. СПб.: Тип. Journal de St.-Petersbourg, 1842. 262 с.
12. Булгарин Ф.В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 81. С. 321–323.
13. Гончаров И.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 15: Письма. 1842 – январь 1855. СПб.: Наука, 2017. 549 с.
14. Гончаров И.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. 832 с.
15. Кумпан К.А. Борец с "высшими взглядами": По поводу одного намека в очерке Булгарина // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М.: Новое изд-во, 2008. С. 276–302.
16. <Булгарин Ф.В.> Отрывки из тайных записок стационарного зрителя на петербургском тракте, или Картинная галерея нравственных портретов // Северная пчела. 1831. № 78–80, 94, 108.
17. Булгарин Ф.В. Лев и шакал // Булгарин Ф.В. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Тип. А. Праца, 1843. С. 81–98.
18. Гончаров И.А. Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 746 с.
19. Гродецкая А.Г. Милитриса Кирбитьевна в "Обломове", или об органично противоречивом в поэтике Гончарова // Русская литература. 2012. № 2. С. 34–39.

REFERENCES

1. Goncharov, I.A. *Obломov: Roman v chetyrekh chastyakh* [Obломov: A Novel at 4 Parts]. Ed. prepared L.S. Geiro. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 694 p. (Serie "Literary monuments"). (In Russ.)
2. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 4: Obломov* [Complete Works and Letters in 20 Vols. Vol. 4: Obломov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 493 p. (In Russ.)
3. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T.5: Obломov: Roman v chetyrekh chastyakh. Rukopisnyye redaktsii* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 5: Obломov: A Novel in 4 Parts. Handwritten Editions]. Text prepared. T.I. Ornatskaya; Ed. Volumes of V.A. Tunimanov (Chief Editor). St. Petersburg, 2003, Nauka Publ., 610 p. (In Russ.)
4. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 6: Obломov: Roman v chetyrekh chastyakh. Primechaniya* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 6: Obломov: A Novel in 4 Parts. Notes]. Ed. Volumes of T.A. Lapitskaya, V.A. Tunimanov (Chief Editor); Comp. Note: A.G. Grodetzkaya, S.N. Guskov, N.V. Kalinina, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, A.V. Romanova, V.A. Tunimanov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 616 p. (In Russ.)
5. Nedzvetsky, V.A. *Roman I.A. Goncharova "Obломov": Putevoditel po tekstu* [I.A. Goncharov's Novel "Obломov": Guide to the Text]. Moscow, 2010. 224 p. (In Russ.)
6. Yurov, B. <Tomashevsky, B.V.> *Kak rabotal Goncharov* [How Goncharov Worked]. *Literaturnaya uchyeba* [Literary Studies]. 1931, No. 9, pp. 108–119. (In Russ.)

7. Reitblat, A.I. *Faddey Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsultant sekretnoy politzii* [Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journalist, Secret Police Consultant]. Moscow, 2016. 632 p. (In Russ.)
8. Goncharov, I.A. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes]. 1859, No. 1, pp. 1–142. (In Russ.)
9. Bulanov, A.M. “Um” i “serdtse” v russkoy klassike: *Sootnosheniye ratsional'nogo i emotsional'nogo v tvorchestve I.A. Goncharova, F.M. Dostoyevskogo, L.N. Tolstogo* [“Mind” and “Heart” in Russian Classics: The Ratio of Rational and Emotional in the Works of I.A. Goncharov, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy]. Saratov, 1992. 157 p. (In Russ.)
10. Stepanova, A.S. *Fiziologicheskiye ocherki F.V. Bulgarina i naturalnaya shkola* [Physiological Essays by F.V. Bulgarin and Natural School]. *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literatura* [Professor's Journal. Series: Russian Language and Literature]. 2021, No. 1(5), pp. 2–11. (In Russ.)
11. Bulgarin, F.V. *Komary: Vsyakaya vsyachina* [Mosquitoes: All Sorts of Things]. St. Petersburg, 1842. 262 p. (In Russ.)
12. Bulgarin, F.V. *Zhurnalnaya vsyakaya vsyachina* [Magazine Things]. *Severnaya pchela* [Northern Bee]. 1847, No. 81, pp. 321–323. (In Russ.)
13. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 15: Pis'ma. 1842 – janvar' 1855* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 15: Letters. 1842–January 1855]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017. 549 p. (In Russ.)
14. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 1* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 832 pp. (In Russ.)
15. Kumpan, K.A. *Borets s “vysshimi vzglyadami”: Po povodu odnogo namyeka v ocherke Bulgarina* [A Fighter with “Higher Views”: About one Hint in Bulgarin's Essay]. *I vremya i mesto: Istoriko-filologicheskiy sbornik k shestidesyatiletiyu Aleksandra L'vovicha Ospovata* [Both Time and Place: Historical and Philological Collection for the Sixtieth Birthday of Alexander Lvovich Ospovat]. Moscow, 2008, pp. 276–302. (In Russ.)
16. Bulgarin, F.V. *Otryvki iz taynykh zapisok stantsionnogo smotritelya na peterburgskom trakte, ili Kartinnaya galereya npravstvennykh portretov* [Excerpts from the Secret Notes of the Stationmaster on the St. Petersburg highway, or the Picture Gallery of Moral Portraits]. *Severnaya pchela* [Northern Bee]. 1831, No. 78–80, 94, 108. (In Russ.)
17. Bulgarin, F.V. *Lev i shakal* [Lion and Jackal]. *Bulgarin, F.V. Ocherki russkikh npravov, ili Litsevaya storona i iznanka roda chelovecheskogo* [Essays on Russian Morals, or the Front Side and the Wrong Side of the Human Race]. St. Petersburg, 1843, pp. 81–98. (In Russ.)
18. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 2* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 746 p. (In Russ.)
19. Grodetzkaya, A.G. *Militrisa Kirbityevna v “Oblomove”, ili ob organichno protivorechivom v poetike Goncharova* [Militrisa Kirbityevna in “Oblomov”, or about the Organically Contradictory in Goncharov's Poetics]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2012, No. 2, pp. 34–39. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 26 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 февраля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 26, 2023

Revised on February 20, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023